

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Ох-ты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят — сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг... Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит:

— Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

— Да как же вы... Да, право, мы...

— Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий-далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

— Эх, была не была! — махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

Борис АЛМАЗОВ

Горбушка

Гришка, из нашей средней группы, принёс в детский сад пластмассовую трубочку. Посвистел в неё, а потом стал плевать из неё пластилиновыми шариками. Плевался исподтишка, чтобы воспитательница — Инна Константиновна — ничего не видела. Я дежурил в столовой. Суп разносить трудно, но я разнёс все тарелки хорошо. Стал раскладывать хлеб на хлебницы. Тут все ребята подошли. Пришёл и Гришка со своей трубочкой. Он как дунет в меня! Пластилиновый шарик попал мне прямо в лоб и отскочил в мою тарелку с супом. Гришка захохотал, и ребята захихикали. Мне так обидно стало. Я старался, дежурил, а он мне в лоб, и все смеются! В руке у меня была горбушка. Я себе её оставил, я горбушки люблю. От обиды я запустил этой горбушкой в Гришку. Горбушка от его головы отскочила и покатилась по полу. В столовой сразу стало тихо. Инна Константиновна посмотрела на меня, покраснела, прошла через столовую, подняла горбушку, сдула с неё пыль и положила на край стола.

— Вечером, — сказала она, — когда все, после полдника, пойдут гулять, ты, Серёжа, останешься в группе. Подумай над тем, что сделал. Ты приходишь в детский сад один, но завтра приходи с папой.

Когда я пришёл домой, папа уже вернулся с работы.

— Ну как дела? — спросил он.

— Нормально, — ответил я и поспешил к своим игрушкам.

— Если нормально, то почему некоторые в шапке в комнату входят; явившись с улицы, не моют руки?

Действительно, я и шапки не снял, и руки не помыл.

— Давай-ка, — сказал папа, — рассказывай, что у тебя стряслось.

— Инна Константиновна несправедливо наказывает! Гришка же мне первый в лоб шариком попал. Я в него горбушкой потом...

— Горбушкой?

— Ну да, от круглого хлеба. Гришка первый, а наказали меня!

Папа очень расстроился. Сел на диван, опустил голову.

— За что тебя наказали? — спросил он.

— Чтобы не дрался! Но ведь Гришка первый начал!

— Так!.. — сказал папа. — Ну-ка, принеси мою папку. Она в столе лежит, в нижнем ящике.

Папа её очень редко достаёт. Там папины почётные грамоты, фотографии. Папа достал конверт из пожелтевшей бумаги.

— Ты никогда не задумывался, почему у тебя нет ни бабушки ни дедушки?

— Задумывался, — сказал я. — У некоторых ребят по два дедушки и по две бабушки, а у меня никого...

— А почему их нет? — спросил папа.

— Они погибли на войне.

— Да, — сказал папа. Он достал узенькую полоску бумаги. — «Извещение», — прочитал он, и я увидел, как у папы задрожал подбородок: — «Проявив мужество и героизм в составе морского десанта, пал смертью храбрых...» — это один твой

дедушка. Мой отец. А вот это: «Скончался от ран...» — это второй дедушка, мамин папа.

— А бабушки?

— Они умерли в блокаду. Фашисты окружили наш город. Начался голод. Ленинград остался совсем без продовольствия.

— И без хлеба?

— На день выдавали такой кусочек, какой ты съедаешь за обедом.

— И всё?

— И всё... Да и хлеб-то был с мякиной да с хвоей... Блокадный...

Папа достал фотографию.

— Ну, — сказал он, — найди меня.

Но все ребята-школьники были ужасно худые и похожи между собой, как братья. У всех были усталые лица и печальные глаза.

— Вот я, — папа показал на мальчика во втором ряду. — А вот — мама.

Я бы её никогда не узнал.

— Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде.

Иногда к нам приходили солдаты или моряки. Приносили хлеб. Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!» А мы, ребята постарше, понимали, что это бойцы отдали нам свой дневной паёк и на морозе в окопах сидят совсем голодные...

Я обхватил папу руками и закричал:

— Папочка! Накажи меня как хочешь!

— Что ты! Что ты!.. Ты только пойми, сынок, хлеб — не просто еда... А ты его на пол...

— Я больше никогда не буду! — прошептал я.

— Я знаю, — сказал папа.

Мы стояли у окна. Наш большой Ленинград, засыпанный снегом, светился огнями и был таким красивым...

— Папа, ты завтра, когда в садик придёшь, про хлеб расскажи. Всем ребятам расскажи, даже Гришке...

— Хорошо, — сказал папа, — приду и расскажу.

Осеева В.

Андрейка

Андрейке двенадцать лет. Он такой важный в своем рабочем костюме ремесленника. В его черных глазах горячая готовность на любые дела, на любой подвиг. Но таким Андрейка сделался не сразу. Над Андрейкой прошла война, и это большое событие в его маленькой жизни сделало его взрослее. Когда мальчику было семь лет, все рассказы о войне казались ему далекими и страшными сказками, а жизнь была веселая. С утра убегал Андрейка с соседскими ребятами на речку, купался и валялся в горячем песке на берегу и только тогда возвращался домой, когда раздавался звучный голос старшего брата Антона:

— Ау! Андрейка!

Встряхивая мокрой головой, он мчался на зов. Он радовался, что мать и брат уже дома, что на столе стоит миска горячего картофеля с мясом, что скоро наступят теплые летние сумерки. Мать сядет на крылечко, Андрейка примостится сбоку, а Антон приляжет на траву и будет рассказывать о своих товарищах, о работе, о новых заводских машинах и о своем станке, который он называл «сердечным другом». Андрейка видел этот станок. Как-то раз Антон взял с собой братишку на завод и показал ему свой цех. На заводе Андрейке все понравилось: и блестящий станок Антона, и широкие светлые окна цеха, и взрослые рабочие, которые спрашивали у Антона совета и слушались его. А с Андрейкой шутили, приглашая его вместе работать. Андрейка смущался, а Антон серьезно отвечал:

— Шутки шутками, а лет через пяток будет он мне помощником!

В это воскресенье Антон с утра взялся за починку забора. Он принес из сарая целую охапку досок и начал их обстругивать. Андрейка стоял и смотрел, как из-под рубанка желтыми завитушками падают на траву стружки и доска делается гладкой, новой, светлой.

«Эк ему все удастся!» — думает Андрейка, с завистью поглядывая на брата. А брат, посвистывая, ловко перебрасывал с руки на руку дощечку, крепко упирал ее одним концом в станок и легко проводил по ней рубанком, отбрасывал стружки. Один раз он дал братишке рубанок. Андрейка покраснел от удовольствия и, чтобы не осрамиться перед братом, изо всех Своих силенок врезал рубанок в доску.

— Заехал сгоряча, — спокойно сказал Антон. — Полегонечку надо — это не дрова рубить!

Андрейка попробовал еще. Стружка у него завилась тоненькая, как мышинный хвостик.

— Не могу, — сказал он со вздохом.

— Пробуй, пробуй! — закричал Антон. — «Не могу» — такого слова нет, такого слова даже грудной ребенок не скажет!

— А какое слово грудной ребенок скажет? — спросила мать.

Андрейка хмыкнул от удовольствия и лукаво посмотрел на брата.

— Какое слово? — переспросил Антон, поглаживая рукой доску. — Очень простое: «Агу. Вырасту — смогу».

Мать засмеялась. Вдруг калитка громко хлопнула.

По дорожке бежали товарищи Антона — Сергей и Борис. За ними, прихрамывая, торопился сын соседа Алексей. Все трое, размахивая руками, кричали:

— Включи радио, Антон!

Антон бросил на станок рубанок и побежал на террасу. Мать поспешно вытерла мокрые руки, поправила платок и присела на кончик стула. Андрейка первый вскарабкался на табуретку и включил радио.

«Граждане и гражданки Советского Союза...»

Андрейка затаил дыхание и переводил глаза с брата на мать, с матери на товарищей Антона. Все слушали молча, не шевелясь. Но на всех лицах Андрейка вдруг увидел какое-то одинаково суровое, незнакомое ему выражение. Антон стоял выпрямившись, как будто принимал боевой приказ.

* * *

Через два дня Антон уехал. Вечером перед отъездом он долго сидел с матерью на крылечке. Андрейка боком жался к нему. Брат тихонько гладил кудрявый чубик Андрейкиных волос и говорил:

— Было у матери два сына. Один с врагами дрался, а другой дома работал...

— Андрейка? — спрашивал братишка.

— Он, — серьезно отвечал Антон. — Бывало, ляжет спать пораньше, наберется за ночь сил, подрастет маленько, а утром вскочит, щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

Не шутил Антон. И у матери лицо было спокойное, строгое. Андрейка тихонько заложил четыре пальца и пересчитал:

— Щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

— ...и всякие дела за Антона справит, — досказал старший брат.

Андрейка заложил пятый палец.

— Справлю, — деловито сказал он.

* * *

И правда, на другой день Андрейка поднялся рано. В кухне стояли пустые ведра. Пока мать придет с работы, нужно все дела переделать. Как, бывало, Антон. У того все быстро. Он большие ведра с водой сразу по два приносил. Андрейке

так не осилить: он берет в кухне большой чайник. Можно несколько раз сходить. И Андрейка ходит. Он несет чайник в оттопыренной руке, чтобы вода не проливалась на голые коленки, потом перекладывает его в другую руку, потом тащит обеими руками, крепко прижимая к животу. Живот у него весь мокрый, трусики прилипли к телу. Но ведра наполняются. Андрейка идет в сарай. Посвистывая, как Антон, он размахивает маленьким топориком. Сухие щепки колются легко. Андрейка собирает их в кучу и задумывается. Потом, отложив два пальца на руке, вспоминает: в лавку за хлебом надо сходить! На заборе, свесившись вниз головами, ребята давно кричат Андрейке:

— Пошли на речку купаться!

— Не... — мотает головой Андрейка, — я после...

— Да пойдем: вода сейчас теплая, горячая...

— «Пойдем, пойдем»! — передразнивает их Андрейка. — Вам бы только бегать без толку! Антон на фронте... Кто матери помогать будет?

— А у меня отец пошел, одна бабка дома, — озабоченно говорит Генька. Он потихоньку отходит от забора и кричит Андрейке: — Слышь! Не уходи без меня! Я сейчас!

* * *

Ребята давно ушли. Андрейка сидит на крылечке и ждет товарища. «Видно, дело нашлось... — думает он. — Бабка у них старая, еще старше нашей матери».

Но стриженная голова Геньки уже торчит из кустов.

— Пошли!

Они пошли вдоль Андрейкиного забора, и вдруг Андрейка остановился — он увидел большую дыру. Это Антон не успел прибить новые доски. Они лежат на траве, чисто выструтанные. И гвозди в коробке стоят под станком.

— Кто же вам теперь забьет-то? — спрашивает Генька.

Андрейка молча перелезает через забор и бежит в дом. Генька со вздохом присаживается на траву. Андрейка возвращается с молотком и поднимает с земли тонкую дощечку.

— Держи, чтоб ровно было! Можешь? — спрашивает он товарища.

— Могу! — говорит Генька, деловито примеривая доску.

— Держи, а я буду гвозди вбивать.

Генька долго прилаживает доску. Гвозди выскакивают из рук Андрейки, и молоток часто бьет не в попад. Но Генька терпеливо ждет, изо всех сил налегая на доску.

— Эх, вода хорошая сейчас! Слышь, ребята плещутся? — говорит он, поглядывая на солнце.

— Выкупаться успеем, — отвечает Андрейка. — А вот если у матери два сына и один воюет, так другой дома должен работать!

Под вечер Андрейка стоит на зеленом пригорке. Мокрые волосы его блестят. Прикрыв ладонью глаза, он смотрит на дорогу и, завидев мать, окликает ее:

— Ау, мама!

И кажется Андрейке, что голос у него стал совсем как у Антона, а сам он такой же крепкий, сильный и высокий, как старший брат, и от этого на маленьком подвижном лице его впервые появляется выражение готовности к подвигу.

* * *

Андрейка стоит посреди комнаты и таращит в темноту сонные глаза. Мать молча сует ему какой-то узелок, торопливо гладит по голове и, крепко схватив за руку, тащит в темные сени. Над домом что-то тяжело ухает; посуда жалобно звенит на полках; тянущий за душу вой, прерываемый диким кошачьим мяуканьем, несется из темноты. Андрейке страшно. Он цепляется за дверь.

— Не бойся... Не бойся... В убежище пойдем. Там все люди сейчас, там и Генечка с бабушкой...

Мелкий озноб охватывает Андрейку во дворе. Мать обнимает его одной рукой, и они бегут по темной улице, так крепко прижавшись друг к другу, что босые ноги Андрейки, наскоро обутые в башмаки, попадают под ноги матери. Страшное незнакомое небо разверзается над их головами: крест-накрест перетянутое широкими белыми лентами, оно все время движется и в глубине его то далеко, то совсем близко слышно грозное гудение моторов... Иногда тонкие зажженные свечи низко свисают над землей, и вслед за ними в ушах у Андрейки что-то с грохотом лопается. Он цепляется за колени матери, и они оба падают на землю...

— Ничего, сынок... Ничего, миленький... Это Антон фашистов бьет.

Андрейка чувствует, как у матери дрожат руки, но имя Антона сразу воскрешает перед ним высокую, крепкую фигуру брата: на его широких плечах зеленая гимнастерка, а в руке настоящая винтовка...

— Антон фашистов бьет! — растерянным шепотом повторяет он.

Гордость и восторг охватывают его, и теперь он сам бежит вперед, чтобы скорей поделиться этой новостью с Генькой... И в темноте сквозь грохот рвущихся снарядов, пригнувшись к земле, мать слышит его дрожащий голос:

— Ничего, ничего, мама... Это Антон фашистов бьет...

«Бомбоубежище» — новое слово для Андрейки. Но они с Генькой помогали взрослым носить кирпичи и выбрасывать землю из огромной ямы. В местечке, где живет Андрейка, нет настоящих бомбоубежищ, а то бомбоубежище, которое наскоро рыли старики, женщины и дети, похоже на большую пещеру, узкую и длинную, с земляными сиденьями по бокам. Андрейка с матерью медленно спускаются по земляной лесенке вниз и с трудом пробираются в узком проходе между сиденьями. В черной тьме Андрейка чувствует только много чьих-то ног,

крепко сдвинутых коленей, слышит отрывистое дыхание и тяжелые вздохи женщин. В глубине плачет грудной ребенок, и чей-то голос все время повторяет громким шепотом:

— Тише, граждане, тише! Спокойно, спокойно...

Андрейка хочет окликнуть Геньку. Но удар за ударом сотрясают землю; кто-то из ребят начинает громко плакать; какая-то женщина протискивается к выходу, ее не пускают. И снова страшный удар...

— Не допусти господи... — шепчет чей-то старушечий голос. И в ответ на него из темноты кто-то насмешливо цедит сквозь зубы:

— Уже допустил твой господь.

Андрейка, затиснутый в угол, туго сжатый с обеих сторон людскими телами, чувствует рядом мать. Она стоит, наклонившись над ним всем телом, и, услышав низкое гуденье самолета, закрывает его собой. В полной тьме, как под черным большим платком, сбились в кучу перепуганные дети, старики и женщины. Непонятный тяжелый страх сковывает Андрейку, но он не может удержать в себе свою торжествующую новость:

— Мама, скажи им: это Антон, это наши бьют фашистов!

* * *

Андрейка никогда не забудет, как прибежал к ним Генька и, широко распахнув дверь, закричал с порога: «Отца моего убили!»; как он сел на край лавки и без слез, с ужасом и удивлением на все вопросы отвечал одним словом: «Убили... Убили!»; как утешали соседи его бабу и плакали вместе с ней.

А жизнь шла своим чередом... На завод, где работал Антон, день и ночь шли люди. Одни сменяли других для короткого отдыха. Женщины, старики и подростки заменили ушедших на фронт. Вместе со всеми работала и мать Андрейки. Соскучившись, мальчик пробирался в заводской двор и заглядывал в светлые окна цеха, где раньше работал Антон. Через стекло был виден «сердечный друг» — блестящий станок Антона. Только теперь за ним стоял Андрейкин сосед, старый мастер цеха, Матвейч. На нос его низко спускались очки. Андрейка со вздохом отворачивался от окна и представлял себе брата в рабочем комбинезоне, с синими смеющимися глазами. А мимо Андрейки сновали люди, грузили на машины какие-то ящики, что-то вносили и выносили, на ходу завтракали. Все торопились выполнять какие-то приказы, идущие из кабинета главного инженера. Этого инженера Андрейка видел только один раз, когда они с Генькой сидели около заводских ворот. Инженер был высокий, в серой шинели, с черным портфелем под мышкой. Проходя мимо, он бегло взглянул на ребят и крикнул:

— Зачем здесь?

Ребята опрометью бросились бежать.

— Ого! — только сказал Генька.

Но Андрейка, благодарный главному инженеру за то, что он заботится обо всем заводе, за то, что любимый станок Антона по-прежнему блестит в руках старого мастера, ответил Геньке коротко и ясно:

— Прогнал — значит, надо.

* * *

Никто не отрывался от своих дел. Напротив, все люди работали с упорством и ожесточением. Дела прибавилось у всех. Прибавилось и у Андрейки. Почти все свое время мать проводила на заводе. Андрейка старательно прибирал комнату, стоял в очереди за хлебом и варил супы. В супы он крошил все, что имелось в хозяйстве, — они выходили густые и клейкие, но когда мать забежала домой поесть, она покрывала стол чистой скатертью и, разлив по тарелкам Андрейкин суп, говорила:

— Ишь ты! Вкуснота какая! Не суп, а кисель! Ложка стоит!

И Андрейка, чтобы угодить ей, старался вовсю. Размешивал в кружке муку с водой, делал густую заправку и удивлялся, что когда мать сама варит суп, то у нее он получается светлый и жидкий.

В бомбоубежище ходили теперь только старики и дети. Андрейка и Генька решительно отказались сидеть во время воздушной тревоги под землей. У ребят были свои важные дела, которые они выполняли с отчаянным усердием: они тушили зажигательные бомбы. Все мальчики в поселке были заняты этим делом. Они хватали бомбы тряпками, рукавицами и бросали их в воду или засыпали песком. Пожаров не было. Один раз Андрейке и Геньке удалось словить «живую» бомбу. Растопырив руки в старых брезентовых рукавицах, они схватили ее и с торжеством швырнули в кадку с водой. Андрейка, красный от натуги, со злыми блестящими глазами, сорвал рукавицу и, подняв кулак, показал немецкому самолету кукиш:

— Вот тебе твои бомбы, видал?!

Тяжелые годы пронесли над Андрейкой. Не раз стоял он над своим супом, придумывая, что еще можно положить в кастрюлю для густоты. Не раз делили они с матерью последний кусок хлеба и, не раздеваясь, ложились в холодную постель. Не раз сжималось сердце мальчика, когда он смотрел на осунувшуюся и постаревшую мать. Антон писал редко, и чем старше становился Андрейка, тем больше понимал, какие страшные опасности окружают его брата. Андрейка вытянулся и похудел. Но только один раз плакал он горькими мальчишескими слезами.

В тот день мать пришла рано. Старые бутсы на ее ногах отяжелели от приставшей к ним глины. Андрейка вытащил ее башмаки на двор и стал на крыльце обмывать их в светлой луже. Мать отказалась от еды и легла. Заунывный звук сирены заставил Андрейку поднять голову... И в тот же момент страшный удар потряс землю, у Андрейки зазвенело в ушах. Он покачнулся и упал...

А потом, как и в первую ночь бомбежки, они с матерью, спотыкаясь, бежали к заводу. Туда бежали все с лопатами, кирками, не обращая внимания на

продолжающуюся бомбежку. На бегу мать останавливалась и считала заводские трубы. Они были целы. А между тем все уже знали, что бомба упала на завод.

— Правое крыло, видать... — задыхаясь, проговорила обогнавшая их соседка.

— Антонов цех! — крикнул кто-то из ребят.

Андрейка пулей влетел в заводские ворота. И там, где в широкие светлые окна был виден блестящий станок Антона, лежала груда кирпичей и обломки железа. Не то пыль, не то дымок с каким-то едким запахом шел от этих развалин.

Андрейка громко, жалобно заплакал:

— Не уберегли... Не оборонили...

Казалось ему, что он сам тоже виноват в том, что не уберег завод, и что, вернувшись, Антон спросит его с укором:

— А где же станок мой, Андрейка?

И Андрейка бегал вокруг, громко плача и вытирая кулаком слезы. Черные от копоти Люди толпились около развалин, звенели лопаты, с темных рабочих лиц каплями бежал пот...

А Андрейка, злой, как волчонок, сжимая кулаки, грозился в тяжелое, нависшее над его головой небо, покрытое вражескими самолетами. И как бы в ответ на его детские слезы один из фашистских самолетов вдруг вспыхнул ярким белым пламенем...

Лев Кассиль

О мальчике Тишке и отряде немцев

У мальчика Тишки была большая семья: мама, папа и три старших брата. Деревня, в которой они жили, располагалась недалеко от границы. Когда немецкие солдаты напали на нашу страну, Тишке было всего 10 лет.

На второй день войны немцы уже ворвались в их деревню. Они выбрали самых крепких мужчин и женщин и отправили их к себе в Германию на работы. Среди них была и мама Тишки. А сами пошли дальше – завоевывать наши земли. Папа Тишки, его братья, Тишка и другие мужчины деревни ушли в лес и стали партизанами.

Почти каждый день партизаны то подрывали немецкие поезда, то перерезали телефонные провода, то раздобывали важные документы, то захватывали в плен немецкого офицера, то выгоняли из деревни немцев.

А для Тишки тоже была работа. Он ходил по деревням и высматривал, сколько у немцев пушек, танков и солдат. Потом возвращался обратно в лес и докладывал командиру.

Однажды в одной из деревень Тишку поймали два немецких солдата. Тишка сказал, что идет к бабушке, но немцы ему не поверили: «Ты знаешь, где партизаны! Отведи нас к ним!».

Тишка согласился и повел за собой большой немецкий отряд. Только шел он не к партизанам, а совершенно в противоположную сторону, к огромному топкому болоту. Болото было покрыто снегом и казалось огромным полем.

Тишка шёл через болото только по одной ему известной невидимой тропинке. Немцы же, следовавшие за ним, проваливались в темную жижу.

Так один мальчик уничтожил весь немецкий отряд.

С. Алексеев Выходное платье.

Было это ещё до начала войны с фашистами. Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шёлковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и наденет она своё выходное платье. Фашистские самолёты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землю, в скалы ушёл Севастополь.

Военные склады, штабы, школы, детские сады, госпитали, ремонтные мастерские, даже кинотеатр, даже парикмахерские — всё это врезалось в камни, в горы.

Под землёй организовали севастопольцы и два военных завода.

На одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал миномёты, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских лётчиков.

Всё нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного. Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шёлка.

Стали разыскивать шёлк для мешочков. Обратились на различные склады.

На один:

— Нет натурального шёлка.

На второй:

— Нет натурального шёлка.

Ходили на третий, четвёртый, пятый.

Нет нигде натурального шёлка.

И вдруг... Является Катя. Спрашивают у Кати:

— Ну что — нашла?

— Нашла, — отвечает Катя.

Верно, в руках у девушки свёрток.

Развернули Катин свёрток. Смотрят: в свёртке — платье. То самое. Выходное. Из натурального шёлка.

— Вот так Катя!

— Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к лётчикам на аэродром.

Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь перебоев в работе завода. За бомбой готова бомба.

Поднимаются лётчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель.

Сергей Алексеев «Первая колонна»

В 1941 году фашисты блокировали Ленинград. Отрезали город от всей страны. Попасть в Ленинград можно было лишь по воде, по Ладожскому озеру.

В ноябре наступили морозы. Замёрзла, остановилась водяная дорога.

Остановилась дорога, — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород, нужна Ленинграду дорога.

— Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер — сиверик, — появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

— Растёт.

— Нарастает.

— Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

— Быстрее, быстрее, — кричат Ладоге. — Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи (это те, кто изучает воду и лёд), прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи — выдержал лёд.

Прошли строители — выдержал лёд.

Майор Можаяев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжёлые грузы.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её называли.

Федор Тютчев

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1828 г.

Т. Петухова Моя прабабушка

Моя прабабушка седая,
Такая милая, родная.
Со мной играет, приголубит,
Но вспоминать она не любит,
Как воевала на войне,
Вздохнёт и скажет мне:
- Всего дороже мир и дети!
А в День Победы, на рассвете,
Свои достанет ордена,
Слезу рукой смахнёт она.
Наденет праздничный наряд,
И с ней идём мы на парад!
Идёт тихонечко она,
С палочкой, болит спина.
Горят на солнце ордена.
Всех ветеранов чтит страна,
За то, что защитили Русь!
Горжусь прабабушкой,
Горжусь!

Белозеров Т. День Победы

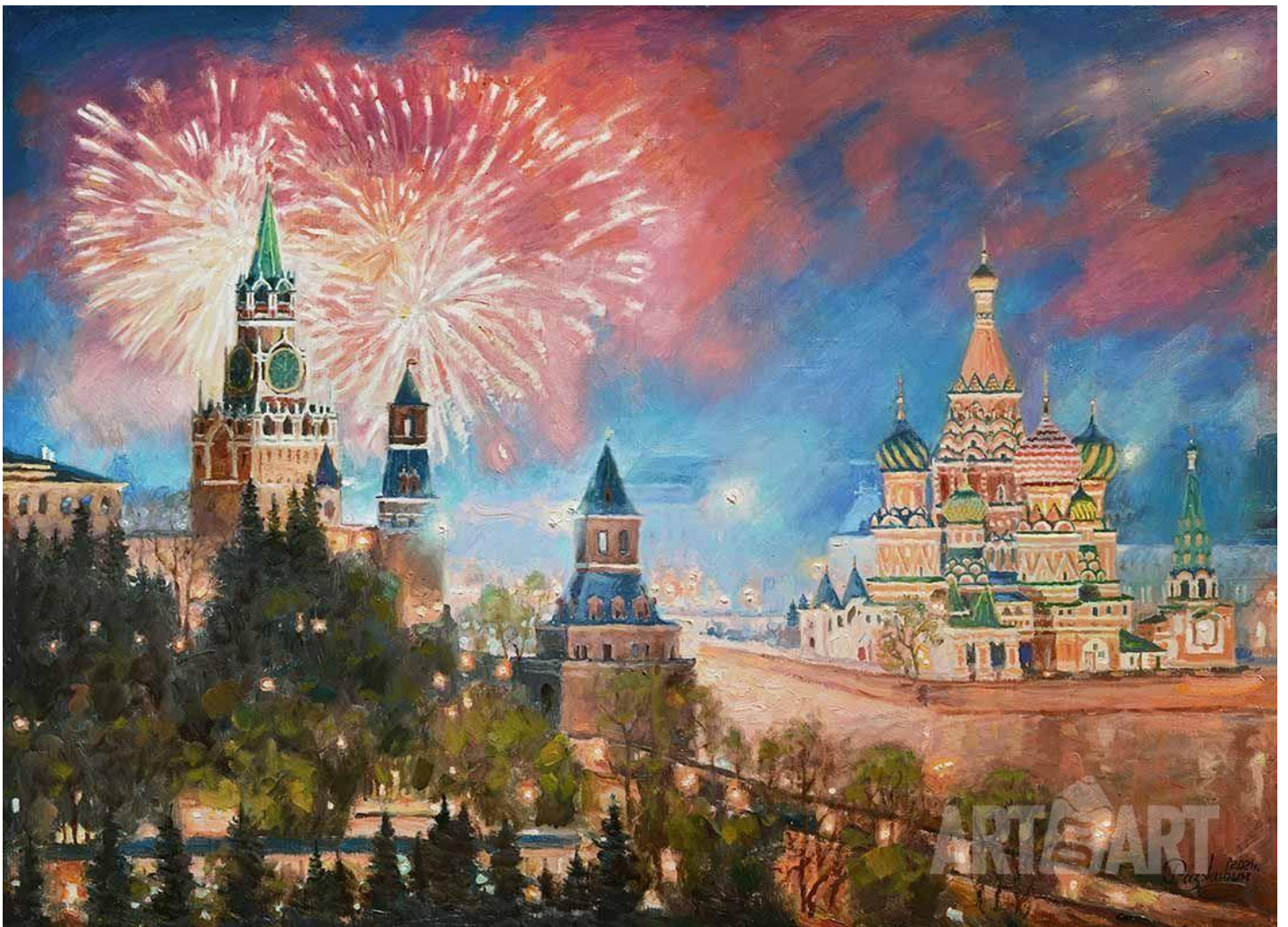
Майский праздник -
День Победы
Отмечает вся страна.
Надевают наши деды
Боевые ордена.

Их с утра зовёт дорога
На торжественный парад.
И задумчиво с порога
Вслед им бабушки глядят.

Ольга Высотская — Салют

Скорей, скорей одеться!
Скорей позвать ребят!
В честь праздника Победы
Орудия палят.
Вокруг все было тихо,
И вдруг — салют! Салют!
Ракеты в небе вспыхнули
И там, и тут!
Над площадью,
Над крышами,
Над праздничной Москвой
Взвиваются все выше
Огней фонтан живой!
На улицу, на улицу
Все радостно бегут,
Кричат «Урра»!
Любуются
На праздничный
Салют!

Владимир Беляев

Я, о блокадном Ленинграде

Я, о блокадном Ленинграде,
Узнал, когда мальчишкой слыл -
От женщины, соседки Нади,
Где муж её, в ту пору, жил.

На фронт не взяли по-увечью
Из-за отсутствия руки,
Он видел горе человечье,
И выжил смерти вопреки.

Но сам, мужик, был молчаливым,
Воспоминаний избегал,
Только слеза катилась в пиво,
И в левой он бокал держал...

А мы в войну тогда играли,
Не зная всей её беды
Стволы винтовок, не из стали,
Стреляли так: - "ды-ды, ды-ды."

Огонь мы открывали звуком,
Ненстоящим был наш дзот,
"Гранаты" падали, со стуком,
На створки чьих-нибудь ворот.

Конечно были командиры,
Из тех, кто старше и умней.
Они зачинщики, задиры,
И были, нас мальцов, сильнее.

Ах, дети лет послевоенных,
Война была для нас игрой,
Не мучили, не били пленных,
Ведь не смертельным был наш бой.

Но так серьёзны были лица,
Азарт и блеск "бойцов" в глазах,
Наверно, той войны, страницы

Внушали, всё же, боль и страх.

На нас, "вояк", глядели люди -
Те, кто пережили войну,
И вряд ли кто, из нас, забудет,
Её, Победную, весну.

Наталья Щитченко

Рассказ детям о Санкт-Петербурге

Весьма необычен город **Санкт** – Петербург и его окрестности, расположенные между девятью тремя реками, рукавами, протоками и каналами, а ещё между ста озёрами, прудами, искусственными водоёмами. Воистину Питер можно назвать «северной Венецией», где весь город и его близлежащая территория соединены между собой более чем 800 мостами. Из них непосредственно в самом Петербурге возведено ни много, ни мало – 342 моста.

У каждого города есть своя индивидуальная черта, являющаяся своеобразной визитной карточкой. В Питере – это Его Величество Петербургский мост. Через многочисленные реки, каналы, озера и пруды **Санкт-Петербурга** их перекинута более трёхсот.

Поэтому увидеть мосты «северной Венеции» — равнозначно тому, что очень близко познакомиться с городом.

Мосты, величием красуясь,
Соединяют берега.
Течёт Нева, на них любясь,
Сквозь дивный город, сквозь века.
В чугун, гранит мосты одеты,
В ажур решёток и оград.
Не раз поэтами воспеты
Мосты, что в городе стоят.
Каналы, реки и протоки.
И строго вниз взирают львы
С мостов и пристаней высоких
На воды холодные Невы.
Едва удерживает страсти
На Невском вечно суета
Созданий Клодта, чёрной масти,
Коней Аничкова моста.

Санкт-Петербург – это самый северный среди крупнейших городов мира, город мостов и островов, музеев и дворцов, соборов и парков. Это город величественных зданий, мощных инженерных сооружений, величавых набережных.

Население **Санкт-Петербурга** по состоянию на 2014 год превышает пять миллионов человек. Город построен по воле царя Петра I.

Стремление стать *«твёрдой ногой»* у Балтики возникло в народе задолго до Петра I. Но лишь благодаря негибимой воле Великого Преобразователя, царя Петра I, смелый замысел был осуществлён.

Цель у Петра была следующая: прорубить *«окно»* в Европу, укрепить своё владычество там, где это было необходимо. Появление нового города отвечало этой цели.

Заячий остров, который приглянулся царю в качестве первой территории для застройки. Это была - Петропавловская крепость. Она была заложена в 16 (27) мая 1703. Эта дата вошла в историю как день рождения города и является историческим стартом стремительно развивавшегося города.

План крепости разрабатывал лично император. Он сделал ее в форме неправильного шестиугольника с выступающими угловыми укреплениями-бастионами, которые между собой соединены стенами-куртинами. Первоначально крепость была деревянной, но уже в 1706 году под руководством архитектора Трезини началась замена старых сооружений на новые — кирпичные.

Ансамбль Петропавловской крепости включает Комендантский и Инженерный дома, Артиллерийский цейхгауз, Монетный двор, Главное казначейство, гаупвахту и другие исторические сооружения. Для большинства строений Петропавловской крепости характерно долговременное строительство. Над многими зданиями, входящими в композицию Петропавловской крепости, трудились несколько поколений зодчих.

Особое место в ансамбле крепости занимает Петропавловский собор, построенный в 1713-1733 годах по проекту Трезини на месте деревянной церкви, заложенной во имя апостолов Петра и Павла. Собор украшен золоченым шпилем высотой в 122,5 метра, который венчает фигура летящего ангела, ставшего символом города на Неве. Долгое время Петропавловский собор служил усыпальницей российских монархов.

Сегодня на территории крепости работает несколько постоянных музейных экспозиций.

Город, ставший впоследствии блистательным, сиятельным. Он замечателен по многим параметрам. По количеству и важности своих достопримечательностей, по исторической значимости, по культурному наследию, по величию и красоте.

В 1704 году, по приказу Петра Великого на берегу Невы, близ Фонтанки, был разбит сад под названием Летний. В качестве летней царской резиденции. Под руководством Петра I была осушена территория, для чего был прорыт мелиоративный канал, распланирован сад, посажены деревья и сооружены первые фонтаны. В 1704 году был устроен гаванец, (Гаванцем Петра I именовали ковшеобразную гавань у мыса (стрелки, образуемого Невой и Фонтанкой, так что узкая часть гавани впадала в Фонтанку) куда заходили мелкие суда. В 1705 году его

стены были обложены каменными плитами и, таким образом, он стал первой мощеной набережной **Санкт-Петербурга**.

В 1711-1719 годах была прорыта Лебяжья канавка (*Лебяжий канал*) длиной 648 м. Своим названием она обязана лебедям, поселившимся здесь. В 1710-1714 годах по проекту архитектора Доменико Трезини (*ок. 1670-1734*) был построен Летний дворец, где с 1712 по 1725 года в теплое время года жил Петр I (*в холодные месяцы Петр жил в Зимнем дворце*).

В 1771-1784 годах по проекту Петра Егорова была возведена ограда Летнего сада, которая никого не оставляет равнодушным и является одной из главных достопримечательностей **Санкт-Петербурга**. Войдем в Летний сад. Как же он изменился! Кругом подстриженные деревья, шпалеры и зеленые кабинеты, где можно передохнуть на скамеечке в тени. На набережной Фонтанки — павильон «*Кофейный домик*», созданный Карлом Росси в 1825 году на месте разрушенного наводнением 1777 года «*Грота*». В ходе реставрационных работ в 1925 году под ним были обнаружены подземные тоннели. Реставрация 1960-х годов установила, что под «*Кофейным домиком*» сохранился старый фундамент «*Грота*». В 2000-х годах фундамент был исследован: подвалы «*Грота*» сохранились полностью!

Город на Неве строили самые лучшие архитекторы Голландии, Италии, Франции, России. Мы благодарны им за Исаакиевский собор и Зимний дворец, за Русский музей и Адмиралтейство, за Аничков мост и Медного всадника. Нам и беречь этот город.

Считалочка

Люблю по городу гулять,
Люблю смотреть, люблю считать.
Невский – раз,
Зимний – два,
Три – красавица Нева,
А четыре – мост Дворцовый,
Пять – гуляю по Садовой,
Шесть – к Исаакию схожу
И на купол погляжу.
Семь – конечно, Летний сад,
Как красив его наряд.
Восемь – крепость у Невы, были там, наверно, вы.
Девять – повстречался мне
Медный всадник на коне.
Десять – из-за поворота Вижу Нарвские ворота.

Александр Сергеевич Пушкин

На берегу пустынных волн
Стоял он дум великих полн,
И вдаль глядел.
Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.
Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова...
Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей,
Прозрачный сумрак, блеск безлунный
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.

И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса...

М. Борисова
Знаменитая Нева

У красавицы Невы
Ожерелье из листвы
Из гранитов самых лучших
Сшито платье на века.
Но совсем не белоручка
Знаменитая река:
Баржи, лодки, пароходы
На себе несет Нева.
И в трубе водопроводной
Тоже плещется Нева.

М.Борисова

Мы очень любим город свой.
Сияет солнце над Невой,
Или дожди стучат в окно —
Его мы любим все равно.
Мы в этом городе живем.
И он растет, и мы растем

С. Маршак Почта.

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку
Из Ташкента,
Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.

В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,

А к двенадцати часам
Все разнес по адресам.

2

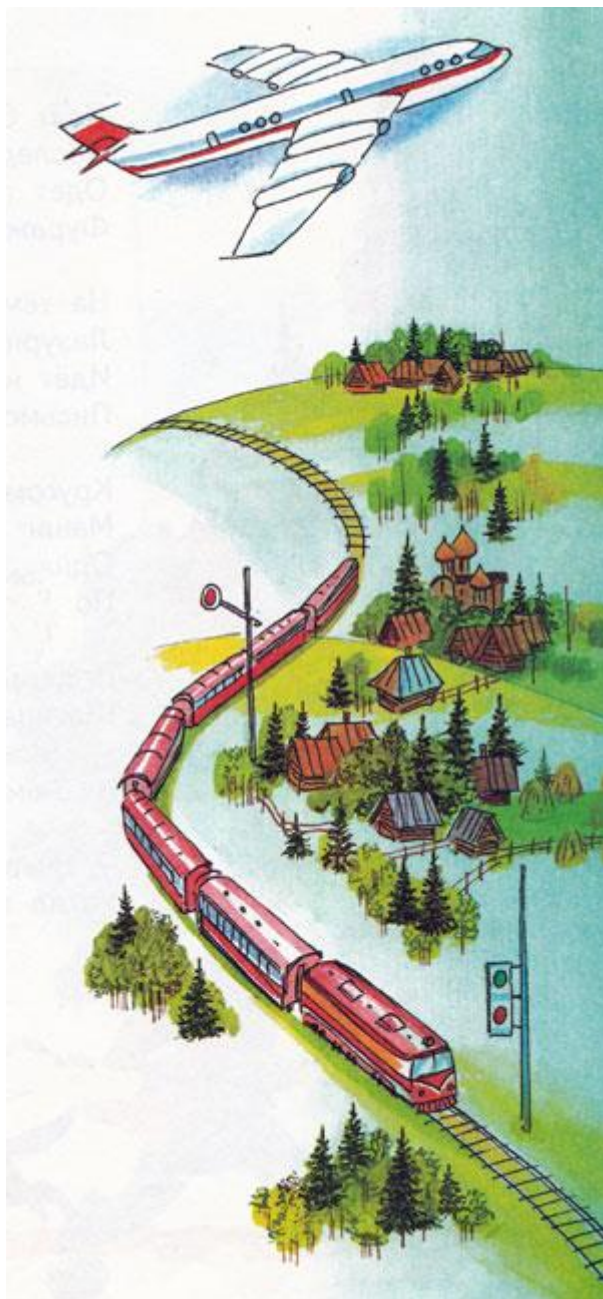
Заказное из Ростова
Для товарища Житкова!

Заказное для Житкова?
Извините, нет такого!
Где же этот гражданин?
Улетел вчера в Берлин.

3

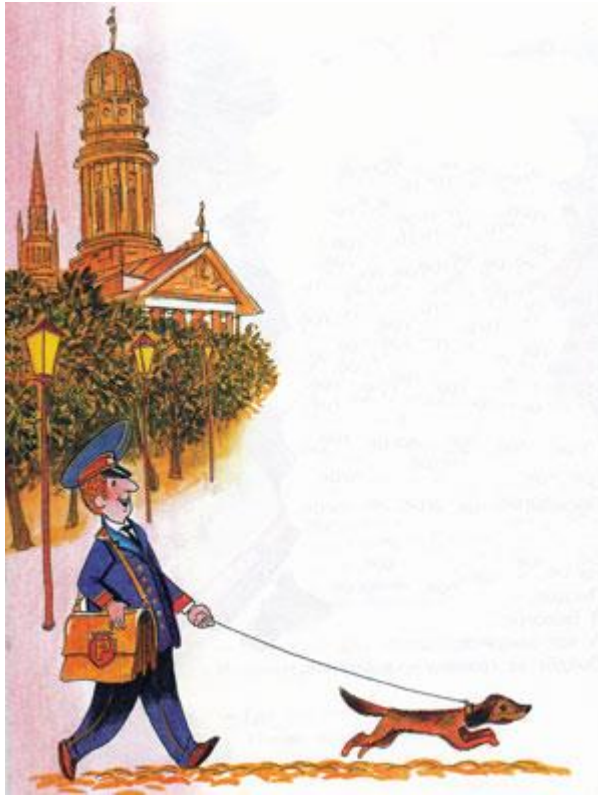
Житков за границу
По воздуху мчится
Земля зеленеет внизу.
А вслед за Житковым
В вагоне почтовом
Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам
Разложены с толком,
В дороге разборка идет,
И два почтальона
На лавках вагона
Качаются ночь напролет.

Открытка
В Дубровку,
Посылка
В Покровку,
Газета
На станцию Клин.
Письмо
В Бологое.
А вот заказное
Пойдет за границу - в Берлин.

Идет берлинский почтальон,
Последней почтой нагружен.
Одет таким он франтом:
Фуражка с красным кантом.

На темно-синем пиджаке
Лазурные петлицы.
Идет и держит он в руке
Письмо из-за границы.

Кругом прохожие спешат.
Машины шинами шуршат,
Одна другой быстрее,
По Липовой аллее.

Подводит к двери почтальон,
Швейцару старому поклон.
Письмо для герр Житкова
Из номера шестого!

Вчера в одиннадцать часов
Уехал в Англию Житков!

Письмо
Само
Никуда не пойдёт,
Но в ящик его опусти
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывет
Тысячи верст пути.

Нетрудно письму
Увидеть свет:
Ему
Не нужен билет.

На медные деньги
Объедет мир
Заклеенный
Пассажир.

В дороге
Оно
Не пьёт и не ест
И только одно
Говорит:

Срочное.
Англия.
Лондон.
Вест,
14, Бобкин-стрит.

6

Бежит, подбрасывая груз,
За автобусом автобус.
Качаются на крыше
Плакаты и афиши.

Кондуктор с лесенки кричит:
Конец маршрута! Бобкин-стрит!

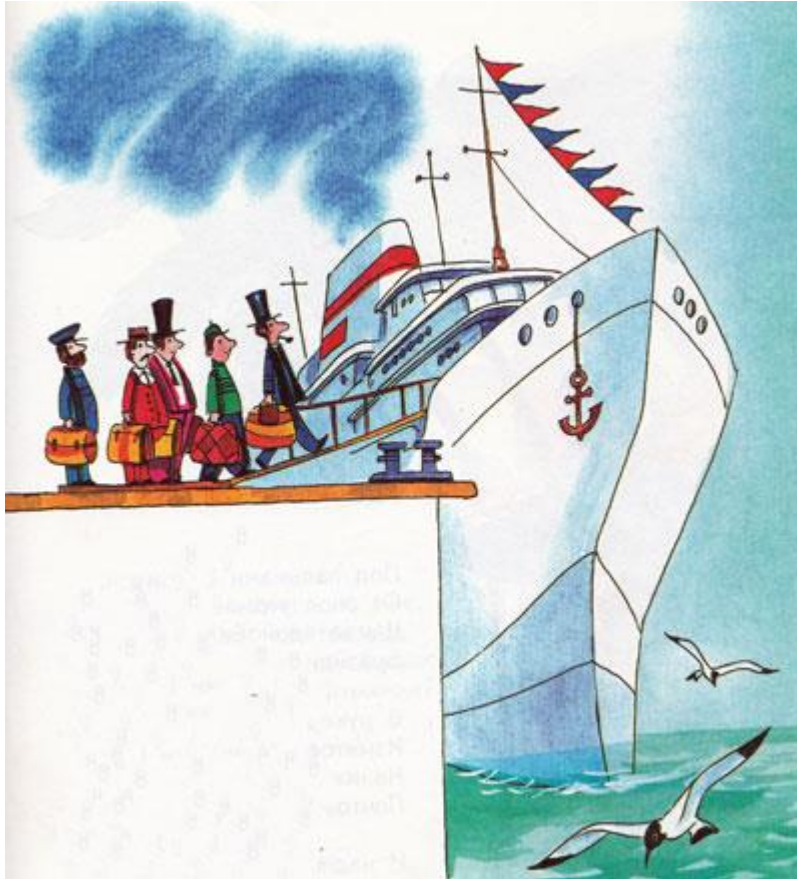
По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит
Шагает быстро мистер Смит
В почтовой синей кепке,
А сам он вроде щепки.

Идет в четырнадцатый дом,
Стучит всячим молотком
И говорит сурово:
Для мистера Житкова.

Швейцар глядит из-под очков
На имя и фамилию
И говорит: - Борис Житков
Отправился в Бразилию!

Пароход
Отойдет
Через две минуты.
Чемоданами народ
Занял все каюты.

Но в одну из кают
Чемоданов не несут.
Там поедет вот что:
Почтальон и почта.

8

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлен,
Шагает дон Базилио,
Бразильский почтальон.

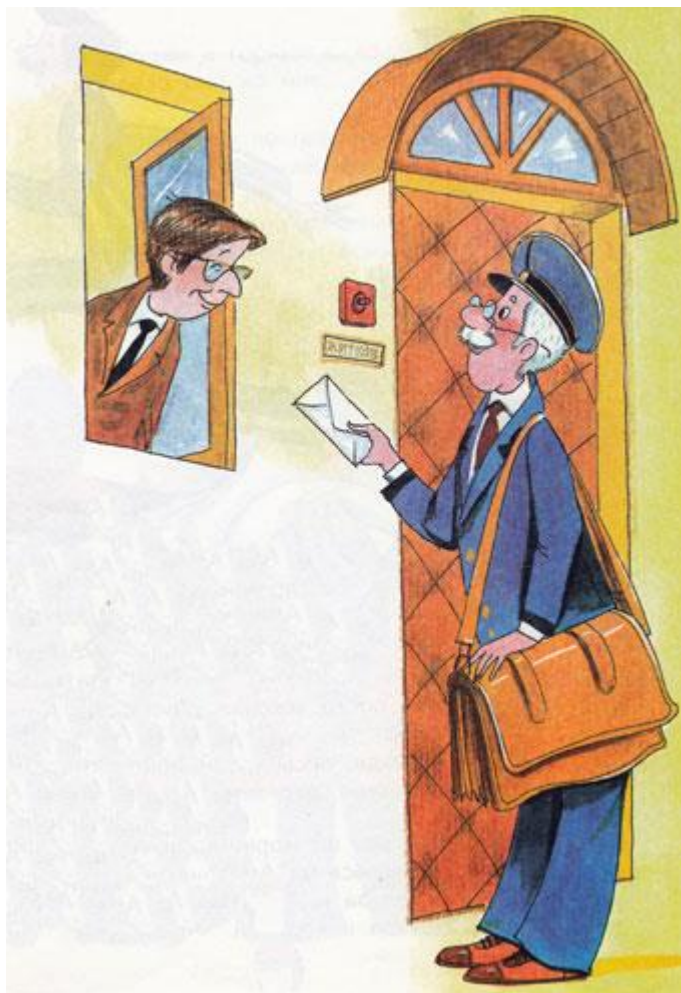

В руке он держит странное,
Измятое письмо.
На марке - иностранное
Почтовое клеймо.

И надпись над фамилией
О том, что адресат
Уехал из Бразилии
Обратно в Ленинград.

9

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!

10

Мой сосед вскочил с постели:
Вот так чудо в самом деле!
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной.

Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.
Вслед за мной его везли
Поезда и корабли.

По морям и горным склонам
Добрело оно ко мне.

Честь и слава почтальонам,
Утомленным, запыленным.

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

Н. Абрамцева

Сказка о веселой пчеле.

Жила-была пчела по имени Жужа. Весёлая и добрая пчела. Как все пчёлы, Жужа собирала цветочный сок — нектар, цветочную пыльцу и готовила из них мёд. Жужа очень любила это занятие: разве не весело перелетать от одного цветка к другому, болтать с ними о всякой всячине, а потом готовить сладкий ароматный мёд. Мёд у Жужи получался замечательный. Наверное, самый вкусный и полезный мёд в мире. Однажды в гости к пчеле Жуже прилетела знакомая оса. Жужа очень обрадовалась гостье. Она любила гостей: ведь гости-это весело. А Жужа, как я уже сказала, была очень весёлой пчелой. Жужа, конечно же, хотела угостить подругу своим мёдом. Но к её огорчению, все горшочки оказались пусты.

— Ах, как обидно! Ах, как жаль! Как же так вышло?- смутилась Жужа. И сейчас же вспомнила, что как раз вчера отдала последний мёд знакомой бабочке. Бабочка немного простудилась, а при простуде мёд, как известно, очень полезен.

— Ничего,-грустно сказала оса, которой, честно говоря, очень хотелось отведать замечательного мёда Жужи.- Я же понимаю, простуженной бабочке мёд нужнее.

Но Жужа не могла допустить, чтобы её гостя осталась без мёда!

— Сейчас,- сказала Жужа. — Подожди немного. Я очень быстро приготовлю особенный свежий вкусный мёд.

Она взяла с посудной полки свой волшебный кувшинчик, в который собирала цветочную пыльцу и нектар. Кувшинчик был совсем крошечный, почти невидимый, зато волшебный. Только у пчёл бывают такие. Взяла Жужа кувшинчик и полетела к цветам.

С весёлым жужжанием покружилась она над густой зелёной травой и опустилась на стебелёк пушистого розового клевера.

— Добрый день, клевер! Не дашь ли ты мне немного нектара для мёда?

— Конечно! -отозвался розовый клевер.

Но в это время Жужа увидела рядом на травинке маленького красного в чёрную крапинку жучка. У него странное имя- божья коровка.

— Жужа,-тихо сказал жучок в крапинку, -мне грустно. Может быть, ты поиграешь со мной?

— Грустно?!-удивилась Жужа. Весёлая пчела не понимала, как может быть грустно в такой хороший день. -Конечно, я поиграю с тобой. Правда, я спешу. Но раз тебе грустно-поиграть просто необходимо. А во что?

— Лучше всего-в считалочки.

— А как это?

— Очень просто, -ответил жучок. -Ты, Жужа, полосатая: полосочка жёлтая, полосочка чёрная; а я-красный в чёрную крапинку. Так?

— Так.

— Ты считай мои крапинки, а я буду считать твои полосочки. Кто быстрее сосчитает, тот выиграл.

Выиграл жучок по имени божья коровка: ведь полосочек у Жужи совсем немного и сосчитать их нетрудно.

— Ну, что?-спросила Жужа, которая, кстати, совсем не расстроилась из-за того, что проиграла: с каждым бывает.-Стало тебе хоть чуть-чуть веселее?

— Конечно!

— Вот и прекрасно!-сказала Жужа и вдруг увидела, что с пушистой шапочки клевера слетает другая пчела.

Другая пчела вежливо поздоровалась с Жужей и жучком и улетела с полным кувшинчиком нектара. А клевер, немного растерявшись, сказал:

— Жужа, ты была занята игрой, и я не знал, нужен ли тебе нектар.

— Ничего,-сказала Жужа, глядя в свой пустой кувшинчик.- Я сейчас быстро слетаю к колокольчику.

Лиловый лесной колокольчик был очень рад встретиться с Жужей.

— У меня сегодня прекрасные пыльца и нектар,-сказал он.

Тут Жужа услышала знакомое стрекотание. Оказывается, под колокольчиком сидел её приятель кузнечик.

— Привет!-сказал он.-Какой хороший день сегодня!

Правда?

— Замечательный!- согласилась Жужа.

— В такой день хорошо бы поиграть во что-нибудь. Давай?- предложил кузнечик.

— Ой! Что ты!- сказала Жужа.- Меня, понимаешь, ждут. Я спешу.

— Мы немножко поиграем,- уговаривал кузнечик,- только в одну игру. Она называется «хлопушки».

Жужа очень любила играть, а потому просто не могла ^ отказаться.

— Ладно,- сказала она,- давай. Только быстро! Как играть в эту игру?

— Очень просто,- стал объяснять кузнецик.- У тебя есть крылышки. Это ясно всем. У меня тоже есть крылышки. Это ясно не всем, потому что я их прячу. Так вот, мы с тобой должны одновременно хлопнуть крылышками. Кто хлопнет громче — тот выиграл. Понятно?

— Конечно!

— Раз-два-три! Приготовились. Хлопнули! — Крылышки кузнецика жёстче пчелиных, а потому и хлопнул он громче.

— Давай ещё раз,- сказала Жужа. Но и на этот раз она проиграла.

— Ладно,- сказала Жужа,- ничего страшного. Зато я научилась новой игре. Ну, всё-таки мне пора. До свидания, кузнецик!

А в это время из колокольчика вылетела совершенно незнакомая пчела.

-Па-а-асторонись!- пропела пчела и улетела, унося в лапках до краёв полный кувшинчик.

А колокольчик печально покачал головкой:

— Ты сама виновата, Жужа. Играешь и ни о чём не думаешь.

— Точно,-согласилась Жужа.-И что же я такая лег-комысленная?-Она зачем-то дунула в свой пустой кувшинчик.-Ну ничего,-добавила она уже весело,-я исправлюсь.

И Жужа полетела к полевому цветку маку.

— Мак, милый, пожалуйста, поскорее дай мне пыльцы и нектара для мёда. Меня подружка зажала.

— Пош-ш-шалуйста,-тихо прошелестели шелковистые лепестки мака.

Но неожиданно послышалось громкое весёлое жужжание, и прилетел большущий золотистый жук.

— Жужа, Жужа,-жужжал золотистый жук.-С днём рождения, Жужа!

— Что?-удивилась Жужа.-Мой день рождения совсем не сегодня.

— Это ничего,-ещё веселее жужжал жук.-Когда-нибудь будет твой день рождения! А сегодня-мой! Я тебя поздравляю с моим днём рождения!

— А-а-а! Понятно! Спасибо!-ответила Жужа.-Я тебя тоже поздравляю. Только я очень спешу.

— Нет, ты не спеши, пожалуйста! Я очень хочу поиграть с тобой в мою любимую игру. «Жужжалки» она называется.

— Что ты?! Что ты?!-Жужа чуть не уронила свой кувшинчик.-Я никак не могу! Меня ждут.

— Как же так?-возмутился золотистый жук.-Во-первых, я тоже тебя жду. Во-вторых, все знают, что ты больше всего на свете любишь играть. В-третьих, у меня сегодня день рождения и мне ни в чём нельзя отказывать.

Золотистый жук был прав, и, конечно же, Жужа согласилась поиграть. Только чуть-чуть! Играть в жужжалки оказалось очень просто: жужжать, и всё. Кто жужжит громче и веселее-тот и выигрывает.

Золотистый жук был больше Жужи, поэтому жужжал громче. Зато Жужа, наверное, самая весёлая пчела в мире, жужжала гораздо веселее. Вот и получилась у них ничья.

— Прекрасно,-сказала Жужа,-хоть на этот раз я не проиграла. Ну, всё, дорогой жук! Ещё раз поздравляю. Пока!

Но тут к маку подлетела старенькая бабушка пчела. Все её очень уважали.

— Деточка,-обратилась она к Жуже,-ты не уступишь мне этот прекрасный мак?

— Конечно, бабушка,-тихо ответила Жужа. Она была вежлива.

«Это уже третий цветок, который я потеряла из-за игры,-грустно подумала Жужа.-А ведь меня заждались оса. Ждёт, ждёт... А нет ни меня, ни мёда... Задерживаться больше нельзя».

Виноватая и расстроенная прилетела Жужа домой. Всё честно рассказала подружке осе. Сначала оса тоже огорчилась, а потом вдруг спросила:

— Как называется первая игра?

— Считалочки,- ответила Жужа.

— А вторая?

— Хлопушки,-ответила Жужа.

— А третья?

— Жужжалки,-ответила Жужа.

— Послушай, Жужа, ты принесла мне замечательный подарок,-сказала оса.

— Ты смеёшься надо мной,- чуть не плача, Жужа поставила на полку свой пустой кувшинчик.

— Совсем не смеюсь,-ответила оса,-нисколечко.- И добавила:-Каждому, по-моему, ясно, что три хорошие игры-это замечательный подарок!

Жужа подумала и сказала:

— Мёд я приготовлю для тебя завтра же. Ты права: весёлые игры-это так же хорошо, как вкусный мёд. Поиграем?-весело предложила пчела.

Виталий Бианки

Как муравьишка домой спешил

Залез Муравей на берёзу. Дoleз до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко — и вниз».

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат, — все домой бегут. Сядет солнце, — муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней, да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк-червяком, только спереди — ножки и сзади — ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

— Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост — к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше! — кричит. — Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги, как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

— Слезай, — говорит. — Вот Жужелица бежит, она резвей меня. Слез Муравьишка.

— Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

РЕКЛАМА

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит Жужелица. — Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки — лес густой. Тут и со здоровыми ногами — целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка, пищит кто-то:

— А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем. Обернулся Муравьишка — стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, — а они у него, как пружинки складные, — да щёлк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! — на другой. Щёлк! — на третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечнику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — сказал Кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви — не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрепал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках. Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

— Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

hh.ru

РЕКЛАМА•16+

**Поиск работы стал проще -
с удобным чатом на hh!**

[Зарегистрироваться](#)

— Миленький, шибче! — просит Муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает- Муравьишка.

— По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

— Гляди, — говорит Водомер, — вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ — тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускочишь? Всё-таки послушался Водомера.

— Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А ты где живёшь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит Муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф, уф, уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» — поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх — выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ — у Муравьишки даже дух захватило.

«Жжж! Тук-тук-тук!» — несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и — шлёп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился Муравьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься, — не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там, под самой берёзой, его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась,
— не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа — и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит — крепко вцепился. Только недолго они падали:
что-то их сверху — дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли — один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк
— и домой!

Тут и солнышко зашло

Виталий Бианки

Паучок-пилот

Жил-был маленький паучок. Была у него страшная паучиха-мамаша и множество братишек и сестрёнок.

И вот в один прекрасный осенний день наш паучок потихоньку убежал от паучихи, от всех своих братишек и сестрёнок, залез на высокий стебель и начал ткать паутинку: решил сплести тенёта, ловить мух и комаров - зажить своим домиком.

Но только он стал выпускать из себя паутинку, глядь - бежит мохнатое страшилище: ни шеи, ни хвоста - голова да брюхо, восемь ног, восемь глаз - все враз на нас! Это была паучиха - его мамаша.

Ужасно испугался паучок. У пауков ведь так: паучиха долго таскает на себе мешок, набитый детишками. Бережёт их от дождя и холода, от хищников. С опасностью для собственной жизни защищает их от всех врагов. А подрастут паучишки, разбегутся кто куда, - и кончено: мамаше на глаза не попадайся - съест!

Наш паучок, как увидел паучиху, так со всех ног наутёк: со стебля на листок, с листка на цветок, на одуванчик. Осень тихая стояла, солнечная - одуванчики в ту пору опять зацвели.

На цветке на одуванчике собрал паучок все свои восемь ног к голове. Брюшком к небу повернулся. А внизу на земле муравьи собрались, букарашки, сам жук-олень пришёл, - и все смотрят, - что такое паучок делать собрался? И паучиха сюда приближается...

Паучок из себя паутинку пустил. Длиннее, длиннее выпускает. И зацепилась паутинка концом за стебель. Тут пошёл паучок с цветка на стебель. Тихонько идёт, еле ножками перебирает. А сам паутинку всё ткёт, ткёт, ткёт... Уж длинной петлёй паутинка завилась.

А паучиха к одуванчику подошла, на стебель лезет. Паучок как припустил к ней вниз! Голову, что ли, потерял со страху?!

Добежал до места, где его паутинка за стебель зацепилась, - раз её! - откусил как ниточку.

Ветерок дохнул - паутинку метнул - оторвал паучка от травинки. Паучок лёгонький - пушинка! Летит себе на паутинке.

Паучиха так не может: тяжела. Слезла поскорей с одуванчика, - побежала догонять паучка: спустится же где-нибудь!

Коротка паутинка, - летит паучок над самой травой.

Летел-летел - да за какую-то травинку и зацепил.

Глядь - это не травинка, а длинный ус зелёного кузнечика-скачка!

Рассердился скачок, - как тряхнёт усом! Паутинка порвалась, - отлетел паучок далеко в траву.

Да ведь это не спасенье: живо и тут паучиха найдёт!

Где она? Влез паучок посмотреть на голубой цветок цикория.

Откуда ни возьмись, - две страшные осы на него! Полосатые как тигры, крылатые как ястреба, спереди челюсти-жвала, позади - смертоносные жала! Спешат, жужжат, - обе сразу бросились - да в воздухе и столкнулись, - на землю упали. Только тем и спасся.

А сзади уж ещё две летят.

Ну, паучок не стал ждать: пал вниз - и спрятался в траве.

Спрятался - и видит: висит на кусту большая серая роза - осиное гнездо.

Собрал паучок ножки, брюшко вверх, и паутинку ткёт, ткёт, ткёт!.. Ветерок дохнул, паутинку мотнул, паучка сорвал - паучок дальше помчал.

Летел, летел - да раз! - опять за что-то паутинка задела!

Повис паучок вниз головой - и видит: на земле под ним слизняк-мягкотел с витиеватым домиком на спине. Две длинные, две короткие мягкие булавочки выставил.

Кругом оглянулся паучок, - сразу про булавки забыл!

Кругом - огромные рыжие мыши!..

Но так ему со страху показалось: это были всего только мыши-малютки. Они даже паучкам не опасны.

Одна мышь-малютка лезет на стебель, другая сидит на земле, колосок в ручках держит и пастишку разинула: смешно ей, как паучишка на ниточке раскачивается вверх ногами. А за ней на траве замечательное свито гнёздышко из соломинок.

Паучку стыдно стало, что он мышей-малюток так испугался. Он и спрашивает у хохотуньи:

- Это ваш домик тут на траве?

- Самый наш, - отвечает мышка. - Мы в нём всей семьёй живём.

- Скажите, пожалуйста, - а что это у вас в руках?

- Вот смешной! Не видишь разве? Колосок. В кладовку несу - на зиму запас собираем.

- А скажите, пожалуйста, что такое «зима»?

- Ой, да ты и глупенький! Разве тебе мама не говорила, что скоро пойдут дожди, дожди. . ветры сорвут с кустов платье, станет холодно-холодно!. Залетают снежинки - белые такие, ледяные мушки, - засыплют всю землю. Тогда нечего станет грызть, нечем станет брюшко себе набивать. А зима долгая-предолгая, - и кто не запасёт себе на зиму зерна, тот с голоду помрёт.

- Какой ужас! - сказал паучок. - А как же я? Я совершенно не умею собирать себе на зиму запасы.

- Поди-кась ко мне, - промямлил снизу чей-то мятый голосок. - Я тоже запасов себе не коплю.

Это шептал слизняк-мягкотел со своим домиком на спине.

Чтобы лучше слышать, паучок спустился к нему на листок ромашки.

- Ты сделай, как я, - сказал слизняк. - Начнёт холодать, - я утянусь в свой домик весь с головой, замкнусь в нём - и спать! Ловко?

- Ловко-то оно ловко, - сказал паучок. - А как мне быть, если у меня домика-то нет?

- Н-не знаю, - промямлил слизняк. - Поди вон к шмелям. Шмели - не осы, тебя не тронут. А домиков из себя делать тоже не умеют.

Паучок побежал к шмелям.

Мохнатые шмели сказали паучку:

- А ты собери всё своё семейство - и сделайте себе такую землянку, как у нас. Первым делом свою мамашу зови. У нас мамаша всем домом правит.

Паучок как услышал про мамашу, так боком, боком со всех ног наутёк.

Взбежал на травинку, видит: на чёрного жука-медляка напали муравьи. Жук стал на голову и ядовитой струйкой отстреливается от врагов.

Паучок испугался: а ну как в него попадёт смертоносная струйка, или муравьи увидят - набросятся... Живому не уйти!

Слизняк - тот весь в свой домик утянулся со страху.

Паучок бежал, бежал, видит: берёза. На листьях жучки сидят - красоты неописанной! Уж на что у берёзы листья зелёные, - жучки ещё зеленее. Листья золотистые - жучки ещё золотистее. А блестящие - прямо глаза слепит! И у каждого - хоботок: слоники-жуки. Паучок залез на ветку, на паутинке спустился - и спрашивает:

- Слоники-зелёники, а вы что тут делаете?

- Не видишь разве: листья в трубки свёртываем. Листовёрты мы. В трубки яички свои откладываем. Там их ни дождём не замочит, ни холодом не проймёт.

- Понимаю, - говорит паучок. - Так как из яичек личинки выйдут, значит, вы для своих личинок листьяные домики на зиму готовите.

- Ничего ты не понимаешь! - рассердились слоники. - Это летнее помещение- дача. Зимовать будут наши личинки в земле.

- Как так?

- Как так да как так! - передразнили слоники. - Не мешай ты нам, не приставай, пожалуйста!

Один жучок залез на ветку - и перегрыз паутинку.

Ветерокдохнул, паутинку мотнул, приподнял слегка - понёс паучка.

Летит паучок над самой травой, глядь - а по земле паучиха бежит, его догоняет!

Паучок скорей паутинку ткать - подлинней отпускать. Выше поднялся, а паучиха за ним, как тень по земле, - никак не отстаёт!

Паучок и думает:

«Вон впереди река! Дай-ка перелечу её. В воду-то мамаша ни ногой! Там и спасусь».

Ткёт, ткёт на лету паучок паутинку. Паутинка длиннее - ветерку веселее, - высоко понёс паучка над берегом, над речкой...

Вот и другой берег. Паучиха на том осталась. Пора и снижаться.

Стал паучок паутинку укорачивать, под себя подбирать, на ножки наматывать. Короче паутинка - ниже паучок. Ещё короче - ещё ниже. . И приземлился паучок на берёзовый листок. Корабликом плыл этот листок по реке у самого берега.

Плывёт паучок и видит: снуют по реке быстрые водомерки как посуху. А в воде-то, а на дне-то всяких чудищ! Тут и клоп-скорпион с длинной пикой сзади, и хищный жук-плавунец, и гладыши-кувырканчики, и страшные стрекозы личинки, и слизняк-прудовик, и такое ещё, отчего у паучка глаза на лоб полезли: прицеплен на водоросли вроде бы прозрачный горшочек из воздуха, а в горшочке самый настоящий паук живёт, сам весь серебрится!

Выскочил паук-серебрянка из своего пузыря, всплыл наружу и говорит:

- Иди, паучок, к нам под воду жить!

- Ой, да куда тут купаться! - испугался паучок. - Зима скоро, холод.

- Эх напугал! - серебрянка смеётся. - Слизняковых домиков - витиеватых ракушек - пустых сколько хочешь на дне валяется. Залезь в любую, натаскай в неё мохнатыми лапками воздушные шарики-пузырьки, крышку ракушки закрой поплотней - и спи себе в покое до весны!

- Ой, да ведь я ни плавать, ни нырять не умею! - говорит паучок. - И воздух в лапках таскать не могу.

Тут ветерок дохнул, листок толкнул, - прибил к бережку. Паучок скок на бережок и думает:

«Лучше всех всё-таки слоники-зелёники! Для лета у них - дача на воздухе, для зимы - дом под землёй. Поищу-ка и я себе зимнюю квартиру».

А её и искать не надо: лежит на земле пустой жёлудь, в нём дырочка - для паучка дверь.

Влез паучок в жёлудь. Мягкой паутинкой его выстлал. Дверку паутинной затычкой заткнул. Собрался в комочек - и заснул. Тепло и уютно!

Весной проснётся - на дачу переедет, сеть-паутину на травке сплетёт - мух ловить.

То ли не житьё!

Э.Успенский

Скворечник для бабочки

Приближалась весна. Одна птичка уже прилетела. Гена и Чебурашка решили сделать скворечники. Они достали пилу, доски, гвозди и принялись за дело.

У Гены скворечник получился большой и тяжёлый.

Чебурашка попытался его поднять, но упал вместе со скворечником.

– Ничего, – сказал Гена, – пусть тогда это будет скворечник для собак! Много бездомных собачек бегают, а скворечников для них нет.

А у Чебурашки, наоборот, скворечник получился совсем маленький. Такой маленький, что самый маленький скворец туда забраться бы не смог.

– Ну и ничего, – сказал Чебурашка. – Пусть это будет скворечник для бабочек.

Много бездомных бабочек летает, а скворечников для них нет.

И. Крылов

Стрекоза и муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела».
«Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Корней Чуковский

МУХА В БАНЕ

Посвящается
Ю. А. Васнецову

Муха в баню прилетела,
Попариться захотела.

Таракан дрова рубил,
Мухе баню затопил.

А мохнатая пчела
Ей мочалку принесла.

Муха мылась,
Муха мылась,

Муха парилась,
Да свалилась,
Покатилась
И ударилась.

Ребро вывихнула,
Плечо вывернула.

«Эй, мураша-муравей,
Позови-ка лекарей!»
Кузнечики приходили,
Муху каплями поили.

Стала муха, как была,
Хороша и весела.

И помчалась опять
Вдоль по улице летать.

К.И. Чуковский

Муха-Цокотуха

Муха, Муха-Цокотуха,
Позолоченное брюхо!

Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Пошла Муха на базар
И купила самовар:

‘Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу!’

Тараканы прибежали,
Все стаканы выпивали,

А букашки —
По три чашки
С молоком
И крендельком:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!

Приходили к Мухе блошки,
Приносили ей сапожки,
А сапожки не простые —
В них застёжки золотые.

Приходила к Мухе
Бабушка-пчела,
Мухе-Цокотухе
Меду принесла:

‘Бабочка-красавица.
Кушайте варенье!
Или вам не нравится
Наше угощение?’

Вдруг какой-то старичок
Паучок
Нашу Муху в уголок
Поволок —
Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить!

Дорогие гости, помогите!
Паука-злодея зарубите!
И кормила я вас,
И поила я вас,
Не покиньте меня
В мой последний час!

Но жуки-червяки
Испугались,
По углам, по щелям
Разбежались:

Тараканы
Под диваны,
А козявочки

Под лавочки,
А букашки под кровать —
Не желают воевать!

И никто даже с места
Не сдвинется:
Пропадай-погибай,
Именинница!

А кузнечик, а кузнечик,
Ну, совсем как человечек,
Скок, скок, скок, скок!
За кусток,
Под мосток
И молчок!

А злодей-то не шутит,
Руки-ноги он Мухе верёвками крутит,
Зубы острые в самое сердце вонзает
И кровь у неё выпивает.

Муха криком кричит,
Надрывается,
А злодей молчит,
Ухмыляется.

Вдруг откуда-то летит
Маленький Комарик,
И в руке его горит
Маленький фонарик.

‘Где убийца, где злодей?
Не боюсь его когтей!’

Подлетает к Пауку,
Саблю вынимает
И ему на всём скаку
Голову срубает!

Муху за руку берёт
И к окошечку ведёт:
‘Я злодея зарубил,
Я тебя освободил
И теперь, душа-девица,
На тебе хочу жениться!’

Тут букашки и козявки
Выползают из-под лавки:
‘Слава, слава Комару —
Победителю!’

Прибегали светляки,
Зажигали огоньки —
То-то стало весело,
То-то хорошо!

Эй, сороконожки,
Бегите по дорожке,
Зовите музыкантов,
Будем танцевать!

Музыканты прибежали,
В барабаны застучали.

Бом! бом! бом! бом!
Пляшет Муха с Комаром.

А за нею Клоп, Клоп
Сапогами топ, топ!

Козявочки с червяками,
Букашечки с мотыльками.
А жуки рогатые,
Мужики богатые,
Шапочками машут,
С бабочками пляшут.

Тара-ра, тара-ра,
Заплясала мошкара.

Веселится народ —
Муха замуж идёт
За лихого, удалого,
Молодого Комара!

Муравей, Муравей!
Не жалеет лаптей, —
С Муравьиhoю попрыгивает
И букашечкам подмигивает:

‘Вы букашечки,
Вы милашечки,
Тара-тара-тара-тара-таракашечки!’

Сапоги скрипят,
Каблуки стучат, —
Будет, будет мошкара
Веселиться до утра:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!

Я. Аким

Хочешь поглядеть на лето?

В лес пускают без билета.

Приходи!

Грибов и ягод

Столько —

Не собрать и за год.

А у речки, а у речки

С удочками человечки.

Клюнуло!

Смотрите — щука!

Щуку на берег втащу-ка.

Хорошо, устав от зноя,

По росе скакать в ночное,

Кашу на костре сварить,

До утра проговорить...

В. Берестов
Веселое лето

Лето, лето к нам пришло,
Стало сухо и тепло!
По дорожке прямиком
Ходят ножки босиком.

Кружат пчелы, вьются птицы,
А Маринка веселится.
Увидала петуха,
Засмеялась: — Ха-ха-ха!

Удивительный петух —
Сверху перья, снизу пух!
Увидала поросенка,
Улыбается девчонка:

— Кто от курицы бежит,
На всю улицу визжит,
Вместо хвостика — крючок,
Вместо носа — пятачок.
Пятачок дырявый,
А крючок — вертлявый?!

А Барбос,
Рыжий пес,
Насмешил ее до слез.
Он бежит не за котом,
А за собственным хвостом.
Хитрый хвостик вьется,
В зубы не дается.

Девочке хохочется.
Ей смеяться хочется,
Потому что нынче лето,
Потому что столько света,
Потому что прямиком
Ходят ножки босиком!

Л. Некрасова

Лето солнышком вкатилось,
Засияло, засветилось
Вишнями, ромашками,
Лютиками, кашками.
Лето! Лето! Лето! Лето!
В краски яркие одето,
Жарким солнышком согрето,
Пусть подольше будет лето!

Что такое лето?
Это много света,
Это поле, это лес,
Это тысячи чудес,

Это в небе облака,
Это быстрая река,
Это яркие цветы,
Это синь высоты,

Это в мире
сто дорог
Для ребячьих ног.

М. Пришвин Золотой луг

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел — он впереди, я в пяту.

«Серёжа!» — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг — золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были жёлтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

В. Голявкин Потому что лето

Бабушка меня спрашивает:

— Ты куда приехал?

Я говорю:

— В деревню.

— Зачем?

— Ты приехал дышать свежим воздухом. Вот сядь на лавочку. И сиди. Вон пичужки. Гляди. Ишь ты, какие пичужки!

— Какие пичужки?

— Воробышки.

— Ну и пусть.

— Ну и сиди!

Мне совсем не хотелось сидеть. Я ведь мог и ходить, и бегать. Я встал и пошел к калитке. И бабушка не заметила. И я побежал по полю.

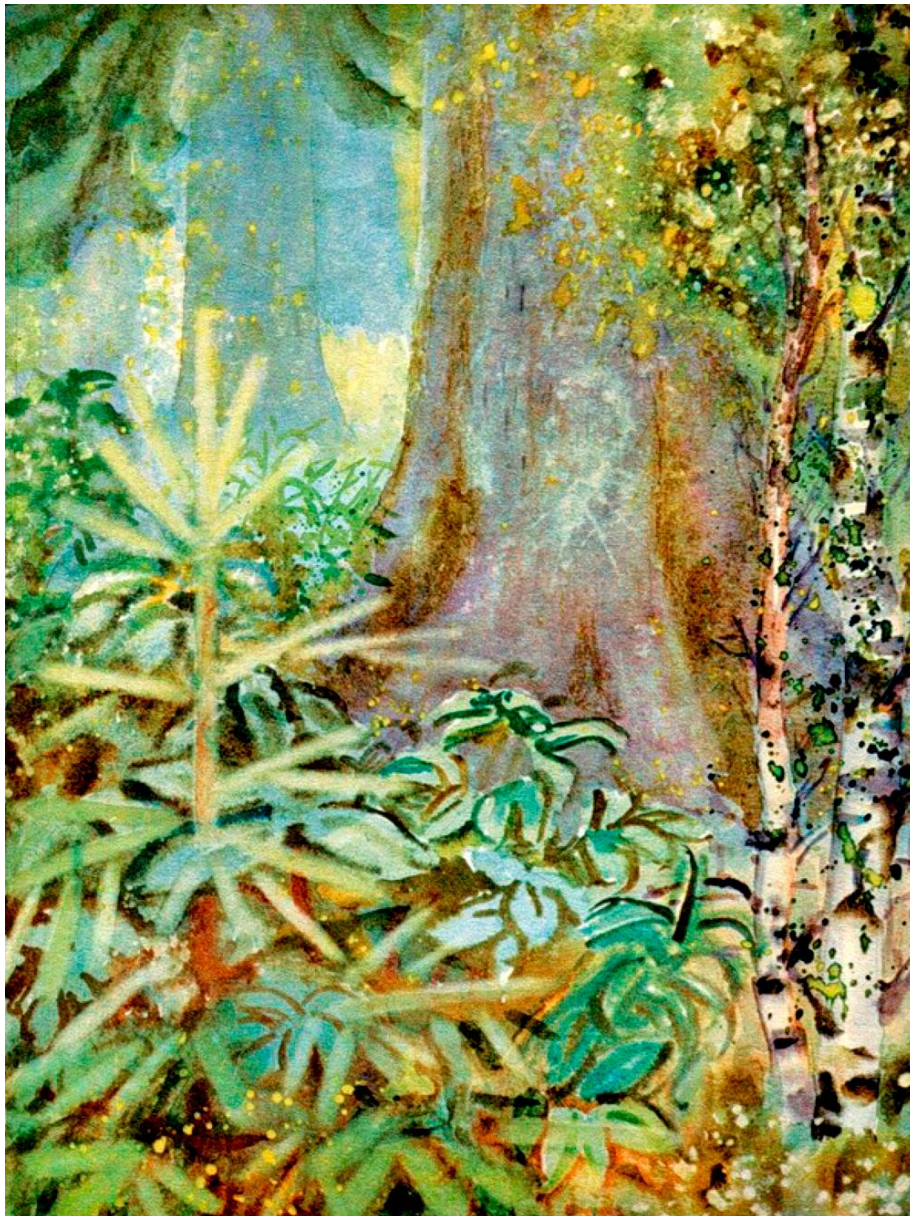
Я бежал и радовался, что не сижу. А потом козу встретил. Один рог у нее был оранжевый, другой — синий. Я хотел обратно бежать. Испугался. Но тут увидел рыжего. Деревенский такой мальчишка. И совсем рыжий.

— Моя коза, — сказал рыжий.

- Цветные рога, — сказал я, — вот так коза!
- Единичная, — сказал рыжий.
- Какая?
- Ну, то есть единственная.
- Почему?
- Потому что цветная. Сам красил.
- Зачем?
- Чтоб не бегала.
- Разве цветные не бегают?
- Бегают. Только они всегда найдутся. Всех красить нужно. И куриц тоже.
- Я тоже сбежал, — сказал я.
- Ты не курица.
- Ясно, не курица, но я сбежал.
- Как сбежал?
- Просто взял и сбежал. Не пускают меня.
- Тебя красить не нужно. Гляди я весь рыжий. Гляди—у меня башка красная. А ты вон совсем другой. Не рыжий и вообще другой. Зря тебя не пускают. Людей ведь не спутают.
- Конечно, не спутают.
- А возьми ты курицу? Та сбежала — попробуй найти! А цветная — ее сразу видно.
- Все сижу и сижу, — сказал я. — Не пускают меня.
- Где сидишь?
- Вон в том садике.
- Ты, верно, дачник? Они все сидят. Отдыхают. Только от этого больше устанешь. Айда в лес! Ты грибы собирал?
- Где?

— В лесу, конечно. Ты что, грибов не видел?
— В супе видел. А больше нигде не видел.
— Ну и ну! — сказал рыжий. — Грибы ведь в лесу. Их в лесу рвут, а после уж в суп кладут.
— Я в лесу не был, — сказал я, — я в парке был. Я там на карусели катался...
— Ну и ну! — сказал рыжий. — Отец-то есть?
— Есть.
— А мать?
— Мать тоже есть.
— Ну и ну!
Я сказал:
— Меня бабушка ждёт.
— Она любит грибы? — спросил рыжий.
— Любит.
— Так вот, сходи в лес. Бабка будет довольна.
— Не пускают меня. Я же ведь говорил.
— Все равно уж сбежал. Чего там!

... Сначала мы по полю шли. Потом начался лес. Вот это лес. Лес и лес кругом и совсем чуть-чуть неба.

— Народу-то сколько! — сказал я. — Полно!

— Где народ? — удивился рыжий.

— Полон лес, — сказал я, — на весь лес кричат.

— Это птицы, — сказал рыжий, — а не народ.

— Как люди, — сказал я.

— На то и птицы.

Рыжий шел впереди, а я сзади. Я никаких грибов не видел. Как ни вертел головой во все стороны. Зато рыжий! Вот это рыжий! Он сразу пол шапки набрал.

— Ты идешь впереди, — сказал я, — вот в чем дело!

Теперь он шел сзади, а я впереди. Но грибов я все равно не видел. А рыжий! Он не успевал нагибаться!

— Ты петляй, — сказал рыжий, — петляй себе...

Я стал петлять и нашел один гриб.

— Петляй больше, — сказал он, — петляй, петляй...

Я еще один гриб нашел. Даже рыжий меня похвалил.

Рыжий полную шапку набрал. И стал мне помогать. Собрать в мою шапку.

Вдруг я птицу увидел. С длинным клювом. Сидит эта птица на дереве. И этим клювом стучит по стволу.

Я грибы даже выронил. Рыжий видел, как я грибы выронил, и говорит:

— Что с тобой?

— Вон долбит! Поглядите-ка, долбит!

— Кто долбит?

— Птица лес долбит.

— Ну и пусть долбит. Это же дятел.

Смотрю я на дятла и думаю: надоест ему лес долбить. Сядет он мне на голову. И давай мне долбить по макушке...

Рыжий смеётся. А дятел долбит себе дерево. На нас даже не смотрит.

Мы всё с рыжим беседовали. Всё про лес, про природу. Про разных зверей. Мне понравился рыжий. Он всё в лесу знает. И он вовсе не рыжий. Его звать Васей. А рыжий он так, потому что рыжий. Он все грибы свои мне отдал. Чтобы я обрадовал бабушку. Чтоб меня не ругали.

Когда мы вышли из лесу, стемнело. Я вспомнил про бабушку и сказал:

— Ой, бежим! Моя бабушка!

А рыжий сказал:

— Ой, моя коза!

И мы побежали.

Г. Скребицкий Четыре художника

Сошлись как-то вместе четыре волшебника-живописца: Зима, Весна, Лето и Осень; сошлись, да и заспорили: кто из них лучше рисует? Спорили-спорили и порешили в судьи выбрать Красное Солнышко: «Оно высоко в небе живёт, много чудесного на своём веку повидало, пусть и рассудит нас».

Согласилось Солнышко быть судьёй. Принялись живописцы за дело. Первой вызвалась написать картину Зимушка-Зима.

«Только Солнышко не должно глядеть на мою работу, — решила она. — Не должно видеть её, пока не закончу».

Растянула Зима по небу серые тучи и ну давай покрывать землю свежим пушистым снегом! В один день всё кругом разукрасила.

Побелели поля и пригорки. Тонким льдом покрылась река, притихла, уснула, как в сказке.

Ходит зима по горам, по долинам, ходит в больших мягких валенках, ступает тихо, неслышно. А сама поглядывает по сторонам — то тут, то там свою волшебную картину исправит.

Вот бугорок среди поля, с него проказник ветер взял да и сдул белую шапку. Нужно её снова надеть... А вот меж кустов серый зайчишка крадётся. Плохо ему, серенькому: на белом снегу сразу заметит его хищный зверь или птица, никуда от них не спрячешься.

«Оденься и ты, косой, в белую шубку, — решила Зима, — тогда уж тебя на снегу не скоро заметишь».

А Лисе Патрикеевне одеваться в белое незачем. Она в глубокой норе живёт, под землёй от врагов прячется. Её только нужно покрасивее да потеплей народить.

Чудесную шубку припасла ей Зима, просто на диво: вся ярко-рыжая, как огонь горит! Поведёт лиса пушистым хвостом, будто искры рассыплет по снегу.

Заглянула Зима в лес. «Его-то уж я так разукрашу, что Солнышко zalюбуется!»

Обрядила она сосны и ели в тяжёлые снеговые шубы; до самых бровей нахлобучила им белоснежные шапки; пуховые варежки на ветки надела. Стоят лесные богатыри друг возле друга, стоят чинно, спокойно.

А внизу под ними разные кустики да молоденькие деревца укрылись. Их, словно детишек, Зима тоже в белые шубки одела.

И на рябинку, что у самой опушки растёт, белое покрывало накинула. Так хорошо получилось! На концах ветвей у рябины грозди ягод висят, точно красные серьги из-под белого покрывала виднеются.

Под деревьями Зима расписала весь снег узором разных следов и следочков. Тут и заячий след: спереди рядом два больших отпечатка лап, а позади — один за другим — два маленьких; и лисий — будто по ниточке выведен: лапка в лапку, так цепочкой и тянется; и серый волк по лесу пробежал, тоже свои отпечатки оставил. А вот медвежьего следа нигде не видать, да и не мудрено: устроила Зимушка-Зима Топтыгину в чаще леса уютную берлогу, сверху укрыла мишеньку толстым снеговым одеялом: спи себе на здоровье! А он и рад стараться — из берлоги не вылезает. Поэтому медвежьего следа в лесу и не видать.

Но не одни только следы зверей виднеются на снегу. На лесной полянке, там, где торчат зелёные кустики брусники, черники, снег, будто крестиками, истоптан птичьими следочками. Это лесные куры — рябчики и тетерева — бегали здесь по полянке, склёвывали уцелевшие ягоды.

Да вот они и сами: чёрные тетерева, пёстрые рябчики и тетёрки. На белом снегу как все они красивы!

Хороша получилась картина зимнего леса, не мёртвая, а живая! То серая белка перескочит с сучка на сучок, то пёстрый дятел, усевшись на ствол старого дерева, начнёт выколачивать семена из сосновой шишки. Засунет её в расщелину и ну клювом по ней колотить!

Живёт зимний лес. Живут заснеженные поля и долины. Живёт вся картина седой чародейки — Зимы. Можно её и Солнышку показать.

Раздвинуло Солнышко сизую тучку. Глядит на зимний лес, на долины... А под его ласковым взглядом всё кругом ещё краше становится.

Вспыхнули, засветились снега. Синие, красные, зелёные огоньки зажглись на земле, на кустах, на деревьях. А подул ветерок, стряхнул иней с ветвей, и в воздухе тоже заискрились, заплясали разноцветные огоньки.

Чудесная получилась картина! Пожалуй, лучше и не нарисуешь.

Любуется Солнышко картиной Зимы, любит месяц, другой — глаз от неё оторвать не может.

Всё ярче сверкают снега, всё радостнее, веселее кругом. Уж и сама Зима не в силах выдержать столько тепла и света. Приходит пора уступать место другому художнику.

«Ну что ж, поглядим, сумеет ли он написать картину краше моей, — ворчит Зима. — А мне пора и на отдых».

Приступил к работе другой художник — Весна-Красна. Не сразу взялась она за дело. Сперва призадумалась: какую бы ей картину нарисовать?

Вот стоит перед ней лес — хмурый, унылый.

«А дай-ка я разукрашу его по-своему, по-весеннему!»

Взяла она тонкие, нежные кисточки. Чуть-чуть тронула зеленью ветви берёз, а на осины и тополя поразвесила длинные розовые и серебряные серёжки.

День за днём всё наряднее пишет свою картину Весна.

На широкой лесной поляне синей краской вывела она большую весеннюю лужу. А вокруг неё, будто синие брызги, рассыпала первые цветы подснежника, медуницы.

Ещё рисует день и другой. Вот на склоне оврага кусты черёмухи; их ветки покрыла Весна мохнатыми гроздьями белых цветов. И на лесной опушке, тоже все белые, будто в снегу, стоят дикие яблони, груши.

Посреди луговины уже зеленеет трава. А на самых сырых местах, как золотые шары, распустились цветы калужницы.

Всё оживает кругом. Почуя тепло, выползают из разных щёлок букашки и паучки. Майские жуки загудели возле зелёных берёзовых веток. Первые пчёлы и бабочки летят на цветы.

А сколько птиц в лесу и в полях! И для каждой из них Весна-Красна придумала важное дело. Вместе с птицами строит Весна уютные гнёздышки.

Вот на сучке берёзы, возле ствола — гнездо зяблика. Оно как нарост на дереве — сразу и не заметишь. А чтобы сделать его ещё незаметнее, в наружные стенки гнезда вплетена белая берёзовая шкурка. Славное получилось гнёздышко!

Ещё лучше гнездо у иволги. Точно плетёная корзиночка, подвешено оно в развилке ветвей.

А длинноносый красавец зимородок смастерил свой птичий домик в обрывистом берегу реки: выкопал клювом норку, в ней и устроил гнёздышко; только выстлал его внутри не пухом, а рыбьими косточками и чешуёй. Недаром же зимородка искуснейшим рыболовом считают.

Но, конечно, самое замечательное гнёздышко придумала Весна-Красна для одной маленькой рыжеватой птички. Висит над ручьём на гибкой ольховой ветке бурая рукавичка. Соткана рукавичка не из шерсти, а из тонких растений. Соткали её своими клювами крылатые рукодельницы — птички ремезы. Только большой палец у рукавички птицы не довязали; вместо него дырочку оставили — это вход в гнездо.

И много ещё других чудесных домишек для птиц и зверей придумала затейница Весна!

Бегут дни за днями. Неузнаваема стала живая картина лесов и полей.

А что это копошится в зелёной траве? Зайчата. Им от роду всего только второй день, но какие уже молодцы: во все стороны поглядывают, усами поводят; ждут свою мать-зайчиху, чтобы их молоком накормила.

Этими малышами и решила Весна-Красна закончить свою картину. Пусть Солнышко поглядит на неё да порадует, как всё оживает кругом; пусть рассудит: можно ли написать картину ещё веселее, ещё наряднее?

Выглянуло Солнышко из-за синей тучки, выглянуло и залюбовалось. Сколько оно по небу ни хаживало, сколько дива-дивного ни видывало, а такой красоты ещё никогда не встречало. Смотрит оно на картину Весны, глаз оторвать не может. Смотрит месяц, другой...

Давно уже отцвели и осыпались белым снегом цветы черёмухи, яблонь и груш; давно уже на месте прозрачной весенней лужи зеленеет трава; в гнёздах у птиц вывелись и покрылись пёрышками птенцы; крохотные зайчата уже стали молодыми шустрыми зайцами...

Уж и сама Весна не может узнать своей картины. Что-то новое, незнакомое появилось в ней. Значит, пришла пора уступить своё место другому художнику-живописцу.

«Погляжу, нарисует ли этот художник картину радостней, веселей моей, — говорит Весна. — А потом полечу на север, там ждут меня не дождутся».

Приступило к работе Жаркое Лето. Думает, гадает, какую бы ему картину нарисовать, и решило: «Возьму-ка я краски попроще, да зато посочнее». Так и сделало.

Сочной зеленью расписало Лето весь лес; зелёной краской покрыло луга и горы. Только для речек и для озёр взяло прозрачную, ярко-синюю.

«Пусть, — думает Лето, — в моей картине всё будет спелым, созревшим». Заглянуло оно в старый фруктовый сад, поразвесило на деревьях румяные яблоки, груши, да так постаралось, что даже ветви не выдержали — наклонились до самой земли.

В лесу под деревьями, под кустами рассадил Лето много-много разных грибов. Каждому грибку своё место облюбовало.

«Пускай в светлом березняке, — решило Лето, — растут подберёзовики с серыми корешками, в коричневых шапочках, а в осиннике — подосиновики». Их нарядило Лето в оранжевые и жёлтые шапочки.

Немало ещё самых различных грибов появилось в тенистом лесу: сыроежки, волнушки, маслята... А на полянах, будто цветы расцвели, раскрыли свои ярко-красные зонтики мухоморы.

Но самым лучшим грибом оказался гриб боровик. Вырос он в сосновом бору, вылез из влажного зелёного мха, приподнялся немного, стряхнул с себя увядшие жёлтые иглы, да таким красавцем вдруг стал — всем грибам на зависть, на удивление.

Вокруг него зелёные кустики брусники, черники растут, все они ягодами покрыты. У брусники ягодки красные, а у черники — тёмно-синие, почти чёрные.

Окружили кустики гриб боровик. А он стоит среди них такой коренастый, крепкий, настоящий лесной богатырь.

Смотрит Жаркое Лето на свою картину, смотрит и думает: «Что-то мало ягод в лесу у меня. Нужно прибавить». Взяло оно да весь склон лесного оврага и разукрасило густыми кустами малины.

Весело зеленеют кусты. А уж до чего хороши на них ягоды — крупные, сладкие, так сами в рот и просятся! Забрались в малинник медведица с медвежатами, никак от вкусных ягод оторваться не могут.

Хорошо в лесу! Кажется, и не ушёл бы отсюда.

Но художник Жаркое Лето торопится, везде ему побывать нужно.

Заглянуло Лето в поле; покрыло колосья пшеницы и ржи тяжёлой позолотой. Стали поля хлебов жёлтыми, золотистыми; так и клонятся на ветру спелым колосом.

А на сочных лугах затеяло Лето весёлый сенокос: в душистые копны сена улеглись полевые цветы, запрятали в зелёный ворох травы свои разноцветные головки и задремали там.

Зелёные копны сена в лугах; золотые поля хлебов; румяные яблоки, груши в саду... Хороша картина Жаркого Лета! Можно её и Красному Солнышку показать.

Выглянуло Солнышко из-за сизой тучки, смотрит, любуется. Ярко, радостно всё кругом. Так и не отводило бы глаз от сочной зелени тёмного леса, от золотистых полей, от синей глади рек и озёр. Любуется Солнышко месяц, другой. Хорошо нарисовано!

Только вот беда: день ото дня листва на кустах и деревьях тускнеет, вянет, и вся картина Жаркого Лета становится не такой уже сочной. Видно, приходит пора уступать своё место другому художнику. Как-то справится он со своей работой? Нелегко ему будет нарисовать картину лучше тех, что уже показали Солнышку Зимущка-Зима, Весна-Красна и Жаркое Лето.

Но Осень и не думает унывать.

Для своей работы взяла она самые яркие краски и прежде всего отправилась с ними в лес. Там и принялась за свою картину.

Берёзы и клёны покрыла Осень лимонной желтизной. А листья осинок разрумянила, будто спелые яблоки. Стал осинник весь ярко-красный, весь как огонь горит.

Забрела Осень на лесную поляну. Стоит посреди неё столетний дуб-богатырь, стоит, густой листвой потряхивает.

«Могучего богатыря нужно в медную кованую броню одеть». Так вот и обрядила старика.

Глядит, а неподалёку, с краю поляны, густые, развесистые липы в кружок собрались, ветви вниз опустили. «Им больше всего подойдёт тяжёлый убор из золотой парчи».

Все деревья и даже кусты разукрасила Осень по-своему, по-осеннему: кого в жёлтый наряд, кого в ярко-красный... Одни только сосны да ели не знала она, как разукрасить. У них ведь на ветках не листья, а иглы, их и не разрисуешь. Пусть как были летом, так и останутся.

Вот и остались сосны да ели по-летнему, тёмно-зелёными. И от этого ещё ярче, ещё наряднее сделался лес в своём пёстром осеннем уборе.

Отправилась Осень из леса в поля, в луга. Убрала с полей золотые хлеба, свезла на гумна, а в лугах душистые копны сена сметала в высокие, словно башни, стога.

Опустели поля и луга, ещё шире, просторнее стали. И потянулись над ними в осеннем небе косяки перелётных птиц: журавлей, гусей, уток... А там, глядишь, высоко-высоко, под самыми облаками, летят большие белоснежные птицы — лебеди; летят, машут крыльями, словно платками, шлют прощальный привет родным местам.

Улетают птицы в тёплые страны. А звери по-своему, по-звериному, к холодам готовятся.

Колючего ёжика Осень загоняет спать под ворох сучьев, барсука — в глубокую нору, медведю стелет постель из опавших листьев. А вот белочку учит сушить на сучьях грибы, собирать в дупло спелые орехи. Даже нарядную сизокрылую птицу — сойку заставила проказница Осень набрать полон рот желудей и запрятать их на полянке в мягкий зелёный мох.

Осенью каждая птица, каждый зверёк хлопчут, к зиме готовятся, некогда им даром время терять.

Спешит, торопится Осень, всё новые и новые краски находит она для своей картины. Серыми тучами покрывает небо. Смывает холодным дождём пёстрый убор листвы. И на тонкие телеграфные провода вдоль дороги, будто чёрные бусы на нитку, сажает она вереницу последних отлетающих ласточек.

Невесёлая получилась картина. Но зато есть и в ней что-то хорошее.

Довольна Осень своей работой, можно её и Красному Солнышку показать.

Выглянуло Солнышко из-за сизой тучки, и под его ласковым взглядом сразу повеселела, заулыбалась хмурая картина Осени.

Словно золотые монетки, заблестели на голых сучьях последние листья берёз. Ещё синее стала река, окаймлённая жёлтыми камышами, ещё прозрачней и шире — заречные дали, ещё бескрайней — просторы родной земли.

Смотрит Красное Солнышко, глаз оторвать не может. Чудесная получилась картина, только, кажется, будто что-то в ней не закончено, будто ждут чего-то притихшие, омытые осенним дождём поля и леса. Ждут не дождутся голые ветви кустов и деревьев, когда придёт новый художник и оденет их в белый пушистый убор.

А художник этот уже недалеко. Уже настаёт черёд Зимушке-Зиме новую картину писать.

Так и трудятся по очереди четыре волшебника-живописца: Зима, Весна, Лето и Осень. И у каждого из них по-своему хорошо получается. Никак Солнышко не решит, чья же картина лучше. Кто наряднее разукрасил поля, леса и луга? Что красивее: белый сверкающий снег или пёстрый ковёр весенних цветов, сочная зелень Лета или жёлтые, золотистые краски Осени?

А может быть, всё хорошо по-своему? Если так, тогда волшебникам-живописцам и спорить не о чем; пусть себе каждый из них рисует картину в свой черёд. А мы посмотрим на их работу да полюбуемся.